

ОПАСНОСТЬ БЕЗ ПИЛОТА

ИГОРЬ СКАКУН

Игорь Скакун

Опасность без пилота

«Автор»

2026

Скакун И. В.

Опасность без пилота / И. В. Скакун — «Автор», 2026

Однажды дверь перестаёт узнавать хозяина. Затем исчезают его записи в поликлинике, возвращаются выплаты, а сын узнаёт: живого отца признали умершим. Исправить ошибку готовы многие, но право решить каждый передал кому-то ещё. В поисках ответственного Андрей обнаруживает собственную подпись под старой инструкцией. Теперь ему предстоит вернуть отцу жизнь и ответить за свой выбор. Повесть о близком будущем, удобстве, которое становится ловушкой, и людях, способных остановить цепь чужих решений.

© Скакун И. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	5
Глава 1 — Место у стекла	6
Глава 2 — Жилец отсутствует	9
Глава 3 — Человек за стойкой	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Игорь Скакун

Опасность без пилота

Аннотация

Игорь Скакун

В творческом диалоге с нейросетью МИР

Однажды дверь перестаёт узнавать хозяина. Затем исчезают его записи в поликлинике, возвращаются выплаты, а сын узнаёт: живого отца признали умершим. Исправить ошибку готовы многие, но право решить каждый передал кому-то ещё. В поисках ответственного Андрей обнаруживает собственную подпись под старой инструкцией. Теперь ему предстоит вернуть отцу жизнь и ответить за свой выбор. Повесть о близком будущем, удобстве, которое становится ловушкой, и людях, способных остановить цепь чужих решений.

Глава 1 — Место у стекла

Отец любил ездить впереди. Ему нравилось видеть, откуда берётся дорога.

Прежде я считал это одной из его старческих привычек, вроде сохранённых стеклянных банок и записной книжки, в которой телефонные номера были выведены с таким нажимом, что проступали на следующей странице. Но в тот октябрьский четверг он пропустил меня к окну, а сам сел у прохода, придерживая коленями саженец.

— Ему нельзя верхушку сломать, — объяснил отец.

Корни груши были завернуты в мокрую газету. Длинный голый прутик упирался в поручень. Мы везли его от женщины с другого конца города: она продавала свой сад и раздавала деревья, которые ещё можно было пересадить.

— На балконе посадишь? — спросил я.

— Во дворе.

— Там согласовывать надо.

Отец посмотрел на меня поверх очков.

— Тогда согласуем.

Он не любил спорить заранее. В его мире сначала существовала груша, которой требовалась земля, и только потом обстоятельства, способные этому помешать. В моём всё чаще происходило наоборот.

Автобус ехал мягко. Переднее кресло пустовало, ремень лежал на сиденье ровной серой петлёй. Руль медленно поворачивался сам. Для старых машин кресло сохранили на случай обслуживания; на новых, говорили, не будет и его.

Уже несколько лет я пользовался этим маршрутом и почти перестал замечать отсутствие водителя. Остановка по требованию, аккуратный разгон, одинаковое расстояние до бордюра. Отец считал, что автобус тормозит слишком рано, но признавал: стоять в нём легче, чем прежде.

На следующей остановке к дверям подошла женщина с ходунками. Пол опустился, из-под порога выдвинулась площадка. Автобус дождался, пока она устроится. Сидевший позади мальчик прижался лбом к стеклянной перегородке и смотрел на руль.

— А если он забудет повернуть? — спросил мальчик.

— Не забудет, — ответила мать, не поднимая глаз от телефона.

Я тоже не поднял бы. Системы не забывали так, как забываем мы. В этом и заключалось их удобство.

На экране над проходом сообщали, что число дорожных происшествий сократилось. Я не сомневался в сообщении. У меня было достаточно знакомых, чтобы помнить, что делали на дорогах уставшие и самоуверенные люди. Иногда вечером я даже испытывал благодарность к пустому креслу: оно не злилось, не торопилось домой, не спорило с пассажирами.

— Хорошо ведь? — сказал я отцу.

Он понял, на что я смотрю.

— Хорошо. Только кнопку эту найди.

Отец кивнул на небольшую крышку у двери. На ней был нарисован человек, покидающий салон.

— Зачем?

— Чтобы потом не искать.

Я усмехнулся. У отца всегда имелось это «потом», в котором переставало работать электричество, рвалась верёвка или заканчивались деньги. Меня раздражало, что он заранее готовится к чужим ошибкам.

Он заметил усмешку и больше ничего не сказал.

Домой мы добрались к обеду. До вечера отец собирался оставить дерево в ведре, а я обещал зайти после работы. Мы жили в соседних кварталах; с некоторых пор я старался заглядывать каждый день, хотя отец ничего подобного не просил.

Он приложил ладонь к считывателю у подъезда.

Замок не открылся.

— Сырой, наверное, — сказал отец, вытер руку о куртку и повторил.

Круг на стекле засветился красным. Женский голос предложил воспользоваться персональным кодом.

Отец достал телефон. Экран был увеличен так, что цифры едва помещались. Он набрал код, который помнил наизусть, и спрятал телефон, не дожидаясь результата.

Голос попросил обратиться в обслуживающую организацию.

— Давай я.

Мой пропуск дверь приняла сразу.

Мы поднялись на четвёртый этаж. Отец поставил ведро в ванну, долго разматывал газету, проверял тонкие корешки. Я позвонил в поддержку. Оператор попросил назвать номер договора, адрес, последние цифры документа. Всё это я продиктовал, стоя в коридоре возле отцовского плаща.

— Право пользования приостановлено на основании изменения статуса собственника, — сказала девушка.

— Какого изменения?

— Первичные сведения поступили из межведомственного обмена. У нас нет права их корректировать.

Я спросил, где их корректируют. Она прислала ссылку на обращение и сказала, что ответ поступит в течение трёх рабочих дней.

Служба поддержки ответила быстро, вежливо и по существу своих полномочий. Тогда это ещё казалось хорошим началом.

Из ванной позвал отец:

— Андрей, принеси, пожалуйста, старое полотенце. Которое не жалко.

Я протянул ему полотенце и увидел, как осторожно он укладывает корни в воду. На мокрой газете расплылось чьё-то лицо.

До первого настоящего испуга оставалось сорок минут.

Глава 2 — Жилец отсутствует

Испугался я в аптеке.

Мы зашли за обычным отцовским лекарством по действующему назначению. Аптекарь просканировала код, нахмурилась, попробовала ещё раз. Потом попросила документ. Отец подал удостоверение, которое носил в прозрачном чехле вместе со старой фотографией матери.

— Электронный рецепт недоступен, — сказала женщина.

— Вчера был доступен.

Она посмотрела на отца, затем на меня.

— Вам лучше связаться с поликлиникой. По этому номеру стоит отметка о прекращении обслуживания.

Лекарство у отца ещё оставалось. Мы ушли без ссоры. Он ворчал на связь, а я уже открывал приложение, в котором были собраны его документы. Два раздела перестали загружаться. Третий потребовал подтвердить полномочия представителя.

Я не был представителем. Я был сыном. До того дня этой разницы почти не существовало.

В поликлинике нас приняли в регистратуре. Женщина за стойкой дважды сверила фотографию с отцом, потом позвала старшую. Та увела нас от очереди, усадила в небольшом кабинете без окна и прикрыла дверь.

— Здесь указано, что человек умер, — сказала она тихо.

Отец расслышал, хотя обычно просил повторить тихие слова.

— Какой человек?

Она не стала отвечать.

Я помню скрип её стула и белое пятно на столе, где прежде стоял принтер. Всё остальное в эту минуту стало каким-то плоским.

— Он перед вами.

— Я вижу.

— Тогда уберите отметку.

— Она не наша. Если я сейчас заведу вторую карточку, возникнет дубликат. Потом его могут снова закрыть.

— И что нам делать?

Она сняла очки и потёрла переносицу.

— Сейчас вас осмотрит дежурный врач. С документами будем разбираться отдельно.

Врача звали Лида. Она измерила отцу давление, выслушала, проверила бумажную выписку. Никакой тайны в его состоянии не было: человек устал, продрог, пропустил обед. Она оформила запись о фактическом приёме по временному порядку, выдала необходимые документы для продолжения лечения и написала на отдельном листе, куда обращаться с ошибкой.

— Помощь вы получите, — сказала она отцу. — А вот кто вам вернёт остальную жизнь, я пока не знаю.

Это был первый честный ответ за день.

Из кабинета отец вышел сердитым. Его раздражало, что я всё время поддерживаю его под локоть.

— Я не падаю, — сказал он.

Я отпустил.

На улице шёл дождь. Мы сидели под козырьком, пока я звонил по номеру с листка. В автоматическом меню были рождения, изменения имени, исправления технических ошибок и сведения об умерших. Отдельного пункта для живого человека, отнесённого к последним, не нашлось.

Потом я дозвонился до человека. Он объяснил, что требуется запись акта, номер и дата. Отец никуда не мог умереть без этой записи. По крайней мере, так следовало из сказанного.

Номера у нас не было.

Я смотрел, как капли собираются на краю козырька. Рядом отец аккуратно сложил лист врача вчетверо и положил в нагрудный карман. Так он обращался с важными вещами, которые не умещались в телефоне.

Дома его ждало ещё одно уведомление: регулярный перевод возвращён отправителю в связи с недействующим статусом получателя. Остаток денег на банковском счёте не исчез, но часть операций потребовала дополнительной проверки. Я перевёл ему деньги на повседневные расходы другим разрешённым способом, и впервые отец промолчал, когда я сказал, что возвращать не надо.

К вечеру он снова оказался перед закрытой дверью подъезда. Соседка впустила его, но потом спросила меня шёпотом, не переоформляют ли квартиру.

— Нет, — ответил я слишком резко.

Она отступила. Потом принесла отцу горячий суп.

Ночевать я остался у него. В комнате пахло мокрой землёй и лекарством, которое мать когда-то растирала между ладонями перед сном. Отца звали Павел Сергеевич. Ему было семьдесят два. Он любил груши с твёрдой мякотью, терпеть не мог сладкий чай и трижды перечитывал один и тот же роман, потому что каждый раз жалел расставаться с героями.

В телефоне он теперь обозначался серой строкой.

— Ты спи, — сказал отец из темноты. — Завтра сходим, покажемся. Может, начальника какого найдёшь.

Я пообещал найти.

На работе я занимался проверкой текстов для электронных сервисов. Исправлял непонятные сообщения, сокращал инструкции, помогал людям дойти до нужной кнопки. Когда-то участвовал в большом проекте объединения городских обращений. Я знал, как устроены такие службы, и был уверен, что сумею объяснить нашу ситуацию правильными словами.

Перед сном я открыл присланную форму.

В поле «Причина обращения» уже стояло: «Восстановление доступа».
Другого варианта форма не предлагала.

Глава 3 — Человек за стойкой

Утром отец надел хороший пиджак. Рукава немного обвисли, и от этого он казался меньше обычного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.